

«Дело Oppenгеймера»

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

РОББ.— Эти исследования по супербомбе, конечно, встречали ваше одобрение, не так ли?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Да.

РОББ.— И вашу поддержку?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Да.

РОББ.— Тогда почему вы посоветовали Теллеру покинуть Лос-Аламос?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Разве так обстояло дело?

РОББ.— Вы заявили ему, что хотели бы остаться «нейтральным» в вопросе по изобретению водородной бомбы, не так ли?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Может быть, я и на самом деле так сказал.

РОББ.— Что вы хотели бы остаться нейтральным?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Должно быть, я дал почувствовать это.

Короткая пауза

РОББ.— Не кажется ли вам, доктор, что вы увлекли бы этой работой многих ученых, ослабили их опасения, если бы засучив рукава взяли в свои руки осуществление суперпрограммы?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Это было бы ошибкой.

РОББ.— Простите?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Это было бы ошибкой.

РОББ.— После решения президента Трумэна?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Я не был подходящим человеком.

РОББ.— Я не об этом спрашиваю, доктор.

ОППЕНГЕЙМЕР.— Мне так показались.

РОББ.— Повторяю: в январе 1950 года президент Трумэн принял декрет о срочном осуществлении суперпрограммы. Мой вопрос заключался в следующем: было ли решение президента ошибкой в моральном отношении?

Пауза

ОППЕНГЕЙМЕР.— Я по-прежнему считал водородную бомбу ужасным оружием. И хотя с технической точки зрения работа была интересной, увлекательной, превосходной, оружие оставалось ужасным.

РОББ.— Вы говорили об этом публично?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Кажется, да.

РОББ.— Означает ли это, что вы испытывали моральное отвращение к созданию этого оружия?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Это уж слишком.

РОББ.— Простите?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Слишком сильно.

РОББ.— Что слишком сильно: оружие или мое выражение?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Ваш лексикон. Я испытывал лишь серьезное беспокойство и тревогу.

РОББ.— Значит, я не ошибусь, если скажу, что вы испытывали сомнения морального порядка?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Не могли бы вы отказаться от употребления этих слов?

РОББ.— Вы испытывали угрызения совести?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Я не знаю ни одного человека, который бы их не испытывал.

РОББ.— Работали ли вы над осуществлением срочной программы, подписанной президентом?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Я участвовал в подготовительных исследованиях. В заседаниях консультативного комитета.

РОББ.— Только участвовали?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Я порекомендовал Теллеру, ответственному за работы, нескольких молодых ученых, которые были моими учениками.

РОББ.— Вызвали ли вы у них интерес к работе?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Мне не известно, добился ли Теллер этого.

РОББ.— Но эта вещь, это оружие, о котором вы разговаривали с другими учеными в 1942 году, оружие, которым вы все же занимались в Лос-Аламосе и по поводу которого вы тогда подали заявку на патент...

ОППЕНГЕЙМЕР... привело к чудовищному взрыву.

РОББ.— Ужасному взрыву, мощность которого, как вы только что говорили, в десять тысяч раз превосходила мощность атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму, или что-то в этом роде, не так ли?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Во всяком случае, очень мощному.

РОББ.— В десять тысяч раз более мощному, чем хиросимская бомба — это не будет преувеличением?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Ее мощность обычно определяют этой цифрой.

РОББ.— Вы знали об этом еще в начале работ в Лос-Аламосе, не так ли?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Безусловно.

РОББ.— Доктор, во время ваших дискуссий о ядерном оружии в 1942 году, в ходе ваших исследований над тем же оружием в Лос-Аламосе с 1943 по 1945 год, после получения патента в 1946 году, во время вашего руководства национальными комитетами и комиссиями страдали ли вы от моральных сомнений, угрызений совести?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Угрызенный совети? Естественно!

РОББ.— Они парализовывали вас?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Естественно.

РОББ.— Но вы продолжали работать либо не мешали этим работам, не так ли?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Тогда речь шла об исследовательских работах, а не о монтаже какого-либо оружия.

РОББ.— Не хотите ли вы сказать, что это было нечто вроде академических забав?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Это был опыт: мы хотели узнать, что может получиться.

РОББ.— Вы собирались истратить столько денег ради простой академической забавы?

ОППЕНГЕЙМЕР.— Изобретение водородной бомбы не академическая забава. Это вопрос жизни или смерти.

В КРЕСЛЕ СВИДЕТЕЛЯ ТЕЛЛЕР

РОББ.— Предварительный вопрос, доктор. Вы пришли сюда по собственному желанию?

ТЕЛЛЕР.— Я здесь в качестве свидетеля, потому что меня вызвали и потому что я считаю долгом высказать свою точку зрения. Я делаю это не ради собственного удовольствия.

РОББ.— Некоторое время тому назад вы заявили, что желаете отвечать в присутствии доктора Oppenгеймера, не так ли?

ТЕЛЛЕР.— Да, это так.

РОББ.— Могли ли вы попросить вас вкратце рассказать комиссии о своей жизни и работе?

ТЕЛЛЕР.— Я начал учиться в Будапеште, городе, где родился. В Технологическом институте. Изучал химию. Продолжал учебу в Германии, изучал математику и химию. Затем в Мюнхене и Лейпциге занимался физикой и защитил докторскую диссертацию. Читал лекции в Лондоне, позднее в Копенгагене. Приехал в Соединенные Штаты в 1935 году. В течение шести лет преподавал в университете имени Джорджа Вашингтона. Участвовал в военных исследованиях.

РОББ.— Благодарю вас, доктор Теллер. Вы знакомы с доктором Oppenгеймером, не так ли?

ТЕЛЛЕР.— Я знаю его много лет. До, во время и после Лос-Аламоса. Мы часто встречались, но никогда не были слишком близки.

РОББ.— Доктор, я позволю себе задать вам сейчас такой вопрос: собираетесь ли вы в своих показаниях дать понять, что доктор Oppenгеймер нелоялен по отношению к Соединенным Штатам?

ТЕЛЛЕР.— Ником образом. Я считаю Oppenгеймера человеком с очень живым умом. Он слишком сложная личность, чтобы попытаться вот так сразу определить мотивы его поступков. Это было бы ошибкой и самонадеянностью с моей стороны. Тем не менее я всегда утверждал и буду утверждать и сегодня, что он лоялен по отношению к Соединенным Штатам. Я верю в это и буду верить до тех пор, пока не получу абсолютных доказательств обратного.

РОББ.— Теперь другой вопрос, непосредственно вытекающий из вашего утверждения: считаете вы или нет, что доктор Oppenгеймер представляет собой угрозу для безопасности США?

Короткая пауза

ТЕЛЛЕР.— Во многих случаях я видел, как Oppenгеймер действовал, точнее, я пришел к заключению, что доктор действовал или предпринимал такие действия, которые лично мне были крайне трудно понять. Очень часто мы придерживались совершенно противоположных точек зрения. В такие минуты его поступки казались мне запутанными. Усложненными. Отсюда и такое чувство: жизненные интересы страны должны находиться в руках человека, которого я понимал бы лучше.

РОББ.— Доктор, здесь говорили, что конечная удача в том, что касается во-

дородной бомбы, явно была результатом необыкновенного изобретения, принадлежащего вам, но... что это открытие в любом другом случае потребовало бы пяти, а то и десяти лет исследований. Допускаете ли вы такую точку зрения?

ТЕЛЛЕР (после паузы).— Я мог бы ответить на этот вопрос так: если бы я решил пойти со своего места вон в тот угол комнаты, то многое зависело бы от скорости и направления, которые я выберу. Если я направляюсь в противоположную сторону, то, возможно, и вовсе не доберусь до своей цели. Факт остается фактом, что мало людей в этой стране отдали весь свой гений созданию термоядерной бомбы. Конечно, во время войны надо было торопиться, время не терпело, следовало выбирать то, что было бы эффективным в ближайшем будущем. После войны те, кто решил остаться в Лос-Аламосе, делали все. Остальные ученые, слишком обеспокоенные тем, как бы помешать гонке вооружений, утверждали, что мы не должны продолжать исследования, которые, как они говорили, нас заставили проводить только война. На мой взгляд, это не было подвигом или героическим поступком. Однако нам надо было идти дальше, а дорожка — что скрывать — не была гладкой. На пути зияли пропасти.

ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ БЕТЕ

ГРЕЙ.— Вы американский подданный, доктор Бете?

БЕТЕ.— Да.

ГРЕЙ.— Натурализовавшийся?

БЕТЕ.— Да.

ГРЕЙ.— Когда вы приехали в Америку?

БЕТЕ.— В 1935 году, почти одновременно с Теллером. Я покинул Германию в 1933 году в связи с нацистскими преследованиями.

ГРЕЙ.— Вы член Академии наук, не так ли?

БЕТЕ.— Да.

ГРЕЙ.— И председатель Американского физического общества?

БЕТЕ.— Да.

ГРЕЙ.— Во время войны вы руководили основными работами в Лос-Аламосе, не так ли?

БЕТЕ.— Теоретическим отделом.

ГРЕЙ.— Господин Гаррисон, прошу вас.

ГАРРИСОН.— Доктор Бете, во время войны доктор Теллер работал в вашем отделе, не так ли?

БЕТЕ.— Да.

ГАРРИСОН.— Не могли бы вы сказать в связи с этим, каковы были ваши отношения?

БЕТЕ (улыбаясь).— Гм! У меня были дружеские отношения с Эдвардом Теллером, но я должен признать, что с ним крайне трудно работать.

ГРЕЙ (почти перебивая).— Доктор, вернемся, если вы не возражаете, к термоядерной программе. Доктор Теллер заявил здесь, что проект был отложен в сторону после взрыва в Хиросиме в связи с реакцией большинства ученых, и в частности доктора Oppenгеймера? Каково ваше мнение?

БЕТЕ.— С окончанием войны группы Лос-Аламоса расспыались подобно тому, что произошло во всех вооруженных силах. Каждый стремился к себе домой, как того добивались их семьи, подобно парням, которых отправили за океан. Наконец, мы хотели передать все дело международным организациям.

ГРЕЙ.— Какое впечатление произвела Хиросима на физиков Лос-Аламоса?

БЕТЕ.— В Лос-Аламосе мы жили в крайне тяжелых условиях. Ни у кого из нас не было охоты задумываться над последствиями. Хиросима поставила нас лицом к лицу с ними. После этого никто уже не мог избавиться от мысли, что в один прекрасный день это оружие будет применено повсеместно.

ГРЕЙ.— Какой вывод вы извлекли из этого?

БЕТЕ.— Я предпочел вернуться к преподавательской работе. Уехал из Лос-Аламоса. То же сделали многие из моих коллег. Позднее, как вам известно, я обратился с протестом к президенту Трумэну, выступал в печати. Я и по сей день считаю, что поступил правильно, сделал это публично заявление.

* * *

И вот так в течение трех недель. С 9.30 до 13 часов и с 14 до 17 в присутствии Oppenгеймера были допрошены сорок свидетелей: не только ученых, но и политических деятелей, дипломатов, военных и некоторых высших чиновников.

Двадцать дней спустя доктор Oppenгеймер получил с утренней почтой письмо комиссии. В нем говорилось, что двумя голосами против одного — голоса д-ра Ивенса — ему отказано в справке о лояльности.

Перевод с французского А. Никанорова.